

МИФОПОЭТИКА РОМАНА А.КИМА «БЕЛКА»

Матенова Ю.У.
ТГПУ им. Низами, Ташкент, Узбекистан

Title: *The Mythopoetics of Novel A. Kim "Squirrel"*

Author: *Matinova Y.U., Tashkent State Pedagogical University named after Nyzami, Tashkent, Uzbekistan*

Abstract: *The article analyzes the novel "Squirrel" in which animalization predominance romantically perfect pathos, an abundance of philosophical reflection, favorite Kim "stream of consciousness" almost brought the reader in absolute form. In the novel "Squirrel" human characters and quality personified and subjectively expressed by the image of animals. Already at the very beginning of the novel reveals the complexity of narrative structure multilayered organization of subject areas due to the introduction of the narrator in the space of many points of view of other characters.*

Keywords: *novel, animalization, philosophical reflection, mythopoetics, narrative structure, organization of subject, narrator, characters*

Ключевые слова: *роман, анимализация, философское размышление, мифопоэтика, повествовательная конструкция, субъектное выражение, автор, персонажи*

В основе романа Анатолия Кима «Белка» (1984) лежит мотив переселения душ. Его сюжет разворачивается как рассказ о судьбах четырех друзей-художников. Один из них является своеобразным «другим «Я» автора. Герои А.Кима превращаются в разных животных, они умирают и воскресают. Писатель же не использует традиционные архетипические сюжеты, а выстраивает свою собственную мифологию на литературной основе. Главным источником романа становится «Физиолог» – средневековый сборник сюжетов о реальных и фантастических животных. Но они интересуют писателя лишь постольку, поскольку соответствуют качествам человеческого характера.

От непосредственного описания героев писатель переходит к изображению их голосов. Мы слышим, что герои говорят, но не знаем, как они выглядят. Для писателя важен не портрет, вещественная оболочка персонажа, а поток его мысли.

Отсюда – и особое понимание назначения творческой личности в этом мире: выявить в себе «вечного живописца». Единый Хор Жизни, обозначенный во всем творчестве А.Кима как вечное и непреходящее начало, диктует писателю целый свод законов, главный из которых был сформулирован еще в повести «Лотос»: «... ни на чью жизнь нельзя посягнуть... ведь всякий «труженик на земле» есть творческая личность, ему нельзя помешать в работе – пусть попробует создать из своей жизни совершенное произведение»¹.

В романе «Белка» уничтожение любого живого существа влечет за собой смерть человека, и в то же время превращение одного в другое – естественное состояние мира, означенное бесконечными изменениями. Два начала – «звериное» и «творчески-духовное» противостоят и одновременно взаимозависят. Поэтому герой А.Кима теряет и тогда, когда возвращается в природно-естественную стихию жизни, став белкой или дельфином, и тогда, когда в процессе поисков в себе «вечного живописца» пытается алгеброй сотворить гармонию, а уступками собственному самолюбию проложить себе судьбу в творчестве.

Повествовательная конструкция романа, отличающаяся полифоничностью субъектного выражения, требует особого подхода к изучению её специфики. Автор говорит от первого лица сразу за всех своих персонажей, а их судьбы не только переплетаются, но и перекликаются. Одно событие в жизни одного человека становится незримым символом в жизни другого человека. Читатель перепрыгивает от образа к образу, от события к событию, от сцены к сцене, все они разные, но они пронизаны одним светом. Очень похожи друг на друга случайно пролетающие второстепенные лица – как, например, старый больной художник, с которым довелось быть знакомым Кеше Лупетину; и столяр Февралев – знакомый Мити. Умирающий художник становится неким открытием для Лупетина, знакомит его с парадоксом «смерти», подводит его к этому вопросу так, что с тех пор жизнь Лупетина начинается под другим, необычным углом и на всё он должен теперь смотреть обновленными глазами – так же и Февралев, уже мертвец, сопровождающий Митю в фантастических, «сонных» полетах над лесами и долинами. И в

¹ Ким А. Лотос // А. Ким. Избранное. М., 1988 – с.254.

том, и другом случае мы видим очень похожий мотив – мотив нового понимания на пороге жизни-смерти, момент осознания какой-то общей мировой непрерывности, в которой черта жизни-смерти попросту стирается – этот чисто буддийский мотив один из самых важных в прозе Кима вообще, и Ким будет неоднократно возвращаться к нему. Так и другие мотивы накручиваются друг на друга, воплощаясь совсем в разных персонажах и сходясь в неожиданных точках. Все это создает впечатление полифонического романа, но его полифоничность построена на удивительном метафизическом смещении, в докимовской литературе совершенно неизвестном, неоткрытом – это смещение – очень важный пункт в понимании Кима. Не для необычности формы Ким создает такую сложную всеобщую пронизанность, ни в коем случае – не для эпатажности, не в дань какого бы то ни было модернизма; у Кима форма, какая она есть, сама по себе подчеркивает, выделяет суть, даже помогает смыслу лучше проникнуть в читателя, впитаться в него, объять его. Такой роман не мог быть написан иначе. Полифония не на уровне языка – но на уровне самой расстановки сцен, персонажей, их голосов, их сознания. Такая полифония усиливает писательское убеждение в многомерности бытия, собственно, его внутренней переплетенности, связанности – о чем автор и сам будет рассказывать далее неоднократно.

Сказка романа состоит в том, чтобы понять радость бытия и уверовать в его идеальную, обязательную радость, обязательность полного совершения и единения в вечности, которая не абстрактна и не страшна, и действительно нужна нам, как оправдание и как единственно возможный вариант нашего бытия, освобождение от тварного, освобождение от сансары – страданий, сует, злобы, болезней, постоянное созидание и пребывание в красоте. Анатолий Ким дает нам целый калейдоскоп из маленьких жизней, событий, сцен, мотивов, чтобы погрузить нас во всю сложность и многообразие мира, судеб, жизней, где каждая в конце концов обретет свое освобождение – и одна из них, жизней, жизнь самого Белки, так же исполнена надежды и жажды прекрасного, которые обращаются в тоску, лишь когда человек забывает о Божественном, когда глаза ему застилают грустные, глупые, страшные явления мира звериного (сцена с футболистом, от нечего делать уничтожившим грибы). Чудесное и сказочное в «Белке» – не считая белкиных перевоплощений и «созерцаний»,

которые только подчеркивают реальность и сущность высшего «МЫ», это и многочисленные сказочные персонажи и события – дельфин, плоский человек, маленькая девушка, которую унес ворон, воскресший Митя, Буба, язва, нарост Кеши Лупетина, символизирующая навязчивую, горестную невосполнимость его неудавшейся любви, столяр – кролик, гном, совершенно случайно и совершенно непонятно от чего появившийся в мастерской Корнея Выпулкова, одновременно и существующие и несуществующие призрачные картины Мити – все это не просто чудесное и сказочное, и не только архаические образы из более древних сказок и мифов, когда-либо живших в человеческом сознании, но дано нам для пушей радости и простоты отношения к жизни, к её обращаемости, непринужденности. Сказка не ошеломляет нас эффектами неожиданности, детского удивления, но преображает повествование. Казалось бы, Ким мог бы и обойтись в этом романе и без сказочности и даже без «метафизической полифонии» – пожалуй, даже без этого можно было создать удивительную человеческую драму, живописную и настоящую – но ведь и «полифония» подчеркивает, иллюстрирует проникновенное понимание сущности человеческих душ и их великого целого, их места в нашем мироздании.

Список использованной литературы:

1. Ким А. Белка // Ким А. Избранное. М., 1988.
2. Ким А. Лотос // А. Ким. Избранное. М., 1988.
3. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX – XX вв. – М., 1994.
4. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972.
5. Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Intrada, 2008.